

*Эту книгу я посвящаю детям,
с которыми росла.*

*Тем, кто процветает, тем, кто все еще
переживает травму,
тем, кто боролся, тем, кто «сделал это»,
и тем прекрасным душам, которые решили,
что этот мир с его страданиями
больше не для них.
Увидимся на той стороне.*

Оглавление

Пролог	9
1. Ловцы душ: 1968 год	13
2. Один простой вопрос: 12 лет после	30
3. Не могу дышать: 7 лет до	52
4. Мать дальнбойщиков и Мамасита: 15 лет после	78
5. Молчание ягнят: 5 лет до	113
6. «Двенадцать колен» — похищенные дети: 15 лет после	148
7. Шепот в темноте: 5 лет до	179
8. Тусон и космос: 15 лет после	195
9. Чего мы хотим? 4 года до	221
10. Они победили. Ее больше нет: 3 года до	239
11. Прощание с Голливудом: 15 лет после	262
12. Черное и белое: 3 года до	274
13. Ничего не прощать: 16 лет после	282
14. Как исчезли Мартин и Линда: 1972 год	299
15. Разноцветные плащи снов и повелитель танца	311
16. Девушка из секс-культы: 2 года до	337
17. Башни: 18 лет после	354
18. Исход: год X	385
19. Здесь нет никакого ранчо: 18 лет после	394
20. Всё: 19 лет после	426
Благодарности	443

Пролог

Расскажи мне все:

15 лет спустя

«**П**ожалуйста, расскажи мне все». Вот что мне случается слышать в пабе, на домашних вечеринках в четыре утра, за рабочим столом. Просить об этом может мой друг или кто-нибудь совсем незнакомый. Кто-нибудь с лицом, исполненным жалости, вспотевшим от волнения, серьезным или даже доброжелательным.

«Расскажи мне все», – говорят люди, узнав, что я – девушка из секс-культы».

Из-за этого я сейчас, через двадцать лет после того, как покинула «Детей Бога», нахожусь здесь.

Мой пикап припаркован в бескрайней пустыне, посреди звездной аризонской ночи. Я сижу, окруженная звуками остывающего двигателя («тик-тик-тик») и неглубокого дыхания Софи, моей подруги и коллеги-киношника, спящей позади меня. Я бросила свой дом в Лондоне, сестер и братьев, работу, чтобы воссоединиться заново с миром сект и религиозных общин.

Фраза «расскажи мне все» взводит мой мозг, как курок, мгновенно. В нем вспыхивают воспоминания, а тело мое становится пустым и немеет. Не потому, что я боюсь выпустить наружу тьму или обнажить перед вами свою историю, и даже не потому, что это *может*

оказаться моментом, когда то, как вы воспринимаете меня, необратимо изменится. Просто болтовня в пабе, третий-четвертый час ночи после вечеринки и разговор за чашкой чая или кофе на работе не дают достаточно вовлеченности, места и времени для того, чтобы ты мог рассказать кому-то «все».

Среда, в которой я родилась, была столь же банальной, сколь и невероятной, настолько травмирующей, насколько и обиденной *для меня*, и в такой же степени сложной, в какой — контролируемой. И, *возможно*, я только что описала «взросление», возможно, мое и ваше детство были похожи больше, чем мы думаем.

Добившись большего, чем оставившая секту, я, пятнадцатилетняя, могла бы вообразить, я все еще чувствую себя самозванкой. Сейчас, сидя здесь, за пять с лишним тысяч миль от дома, успев побывать в йогической общине, племенах армагеддонистов и космологов в Седоне, сражаясь с моими демонами и самой собой, — я это ощущаю, пожалуй, острее, чем когда-либо. Это были четыре месяца путешествия, которое все еще выглядит далеким от завершения.

Рассказать вам все... Что я *могу* за пять минут открыть вам такого, что позволит понять, каково это — расти в «секс-культе»?

Хотите послушать о поколении детей, взбудораженных войной во Вьетнаме, искренне веривших, что мир катится в тартарары? О харизматичном лидере, давшем им цель в жизни, спасшем от семей, куда они не вписывались, от наркотической зависимости или попросту — ужаса перед перспективой стать частью среднего класса и кем-то *нормальным*?

Предпочтете узнать о том, как из меня изгоняли бэсов? О том, как матери становились прославленными проститутками Иисуса? О том, что мои родители вы-

ступают во всех медиа Великобритании и за ее пределами, стремясь защитить систему, которая подвергала абьюзу тысячи детей?

Или хотите историю о том, как летом мы с братьями бегали по Африке, будто дети-дикари? О невыразимо жарких днях, когда я дремала в Индии на холодном полу, чувствуя себя так, словно я сейчас в нормальной семье?

Станет вам легче, если вы будете знать, что там, откуда мы родом, мое детство считают счастливым, что мы с сестрами называем себя везунчиками, потому что «*наш папа не педофил*»?

Даст ли вам что-то из этого представление о том, кто я есть, или о мире, в котором мне довелось расти?

Какие-то вещи вы несомненно могли бы понять. Но осколки знания вне большого контекста лишь отдалят вас и от меня, и от того, что истории, подобные этой, могут поведать нам. О базовых человеческих потребностях — в связи и цели. О выживании в детстве, о дарах, которые способна принести травма, и, возможно, о том, что мы — надеюсь, и я тоже — имеем шанс узнать о прощении.

Но сейчас, поглаживая пальцами такую реальную приборную панель пикапа, воплощение моего представления о такой реальной американской аванюре, я все еще не могу взять в толк, как все *это* привело меня *сюда*.

Да, да, — я пыталась понять родителей, разобраться в моей запутанной истории с сектой, причинившей столько вреда, подступиться немного ближе к «моей правде». И все же я чувствую, что сидеть здесь — идея довольно бредовая.

Я бы очень хотела, чтобы вы думали, будто я — воин, восставший из пепла культа, или герой, исправляю-

щий ошибки прошлого, или режиссер с генеральным планом в кармане. Меня бы устроило даже, считай вы меня объективным исследователем, готовым в неискаженном виде показать наблюдаемое — тайны, что мне удалось раскрыть, или опыт, который я получила. Но на самом деле я понятия не имею, что делаю. Серьезно.

Постукивание двигателя становится медленнее, запах бензина рассеивается в воздухе. Мой разум взмывает с переднего сиденья машины. Я поднимаюсь над самой собой, затормозившей в пустыне, взлетая выше и выше, пока мой пикап «Форд» не превращается в крошечную точку посреди пустоты. В неизвестности. Я высоко над грузовиком, который словно везет меня сквозь время, пространство, веру, травму и исцеление. Этот пикап — мои крылья в паломничестве по пути, полному срывов, аварий, чуваков, бодяжащих мет, монахов и армагеддонистов-мыловаров. В паломничестве с надеждой на то, что к концу его я смогу рассказать вам *все*.

Ловцы душ:

1968 год

Пророк.

Педофил.

Диктатор.

Дедушка.

Дэвид Берг, Папа. Отец Берг, Моисей Дэвид. Король... Вот лишь некоторые из имен лидера «Детей Бога», секты, в которой я родилась и росла до пятнадцати лет. До подросткового возраста я даже не знала, каков он внешне. Мы, дети, звали его Дедулей. Личность его была настолько таинственной, что нам не показывали даже его фотографий: мы выросли, окруженные его рисованными портретами-комиксами. Таковы диктатуры, управляемые авторитарными вождями, — лидера не коснешься и не увидишь.

Мы читали его новые писания ежедневно. Все, что он делал, документировалось. Сны. Заявления. Активность кишечника. О да, члены секты готовы были записывать, как и где он ходил срать, а после — читать об этом.

Оглядываясь назад уже будучи взрослой, я могу сказать, что он был догматичным, зацикленным на сексе нарциссом, изрекающим тарабарщину. Испорченным, опасным извращенцем. В моем детстве его образ источал всемогущество и силу, заставлявшую теряться, но также

он был совершенно обычным, — в том смысле, в каком обычен воздух, которым дышишь. Он был нашей повседневностью, он был повсюду, а его неуравновешенный разум в одно мгновение мог изменить наши жизни.

Понять, кто же он все-таки, не так просто. Он не был красив, как Чарльз Мэнсон, или даже как Дэвид Кореш¹. Лысеющий седой мужчина с ввалившимися глазами, родившийся в двадцатых, каким-то образом умудрился убедить тысячи людей оставить привычную жизнь и последовать за ним. Тысячи людей, включая женщину из крошечной деревушки в Дербишире и мужчину из приморского города в Кенте. *Моих родителей*. Не будь его, они могли бы не пожениться. И я задаюсь вопросом — не будь его, родилась ли бы я вообще?

История о Дэвиде Берге, которую я *знала*, сфабрикована им самим, сверстана из рассказов, что он набрасывал пером своей грандиозности. Мне ненавистна необходимость уделять ему время в своей книге — словно мало того, сколько в моем детстве было замарано этим дерьмом. Но в путешествии к прошлому и истории моих родителей мне нужно вернуться к источнику, а источником является Дэвид Берг.

Если я хочу понять родителей и саму себя, я должна попробовать разобраться в том, кто он и как вышло, что неудавшийся проповедник с явными отклонениями смог вдохновить религиозное движение мирового масштаба, в определенный момент насчитывавшее 25 тысяч последователей?

В сущности, думаю, я хочу знать, каким образом Дэвид Берг «обжулил» моих родителей.

¹ Дэвид Кореш — американский религиозный деятель, лидер секты «Ветвь Давидова». Погиб в 1993 году во время осады поместья «Маунт Кармел» агентами ФБР. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

Это путешествие — как и сама история — начинается задолго до моего рождения, еще в шестидесятые, пусть и не с истории моих родителей, и вовсе не с истории Дэвида Берга. Начало именно там, нравится мне это или нет. Так мне рассказывали о создании нашего движения, когда я была маленькой: шестидесятые — точка, в которой произошел наш личный Большой взрыв.

Поздние шестидесятые были, бесспорно, временем серьезных перемен, десятилетием, которое дало начало множеству культов.

Несколько лет назад я была в Лондоне на выставке под названием «Революция». Мне хотелось посмотреть на шестидесятые свежим взглядом. Едва войдя, я немедленно оказалась втянутой в мир поэзии, разнообразных общественных движений, искусства и культурных сдвигов. Оказалось, что мне было достаточно услышать стихи Боба Дилана в музейном аудиогиде, увидеть фото беспорядков на расовой почве и ощутить, как до меня доносятся звуки *Eve of Destruction*¹, чтобы у меня свело живот.

К черту мужчин. Откажемся от конвейерной ленты. Восстанем против прошлого. Даже я, с моей отягощенной историей, могла ощутить вкус тех настроений. Фильм о Вудстоке, демонстрируемый на всех стенах, туристы и журналисты, валяющиеся повсюду на подушках, впитывают революционную атмосферу, — будь

¹ «Eve of Destruction» — протестная песня, написанная в 1964 году, в которой упоминаются социальные проблемы того времени: война во Вьетнаме, угроза ядерной войны, Движение за гражданские права чернокожих, беспорядки на Ближнем Востоке и американская космическая программа. Известна в исполнении Барри Макгуайра (англ. Barry McGuire).